

§1.2 Постсоветский опыт партисипации: что могут изменить горожане?

В последнее время тенденции по привлечению местного населения к активному участию в благоустройстве и развитии городских территорий прослеживаются не только в западных городах, но и в постсоветских. Будучи конечными потребителями услуг в границах локальной территории, «рядовые» горожане являются лучшими (по сравнению с районной администрацией) «инспекторами» и «контролерами» качества и эффективности решения местных вопросов [10]. В этом смысле развитие и укрепление различных практик городского участия не только будет способствовать повышению качества городской среды с меньшими временными и ресурсными затратами, но и может стать альтернативой разрастанию аппарата муниципальной бюрократии, обеспечить действительную возможность реализации права граждан на местное самоуправление непосредственно на территориях их проживания. Однако на практике часто складывается ситуация, когда городские сообщества наименее активны в реализации собственных притязаний на качественную городскую среду, что в конечном итоге ведет к искажению принципов и целей долговременного развития всего города [3]. Фактически горожане «становятся буфером между интересами государства и бизнеса, не имея достаточных сил для того, чтобы повлиять ни на то, ни на другое» [22, с. 57]. Такое положение дел обусловлено целым рядом факторов (экономических, политических, культурных), которые в совокупности привели к достаточно низкому уровню самоорганизации и структурированности локальных сообществ, их неспособности артикулировать собственные интересы [1]. Вместе с тем, «муниципальная власть, выступая от имени города, должна понимать, что выступает не от имени зданий, улиц, дворов, автодорог и прочего, а от имени общности жителей (горожан), обладающих всей полнотой власти в городе» [10, с. 103].

Институт местного самоуправления имеет достаточно давнюю историю и представляет собой наиболее действенный инструмент для интеграции локальных сообществ в городскую среду [2]. При этом классическим механизмом активизации локальных сообществ является их участие в различных практиках «создания мест» [4]. Совместная деятельность по «созданию мест» (благоустройству городской среды) позволяет горожанам осознавать общие цели и задачи, формулировать взаимовыгодные решения, снижает вероятность конфликтов и разногласий [8]. Участвуя доступными способами в преобразовании городской среды, горожане ощущают собственную значимость, причастность к городской жизни, формируют ответственное отношение к городу (учатся не ждать инициативы «сверху», а действовать «здесь и сейчас») [9, с. 11]. При таком подходе публичные места «вырастают» из уже существующего обжитого пространства, не разрушая его, а, напротив, ориентируясь на потребности живущих по соседству людей, превращаясь в инструмент формирования сильного местного сообщества, обретая выраженный социальный и культурный смыслы [11, с. 87]. В ходе совместного решения возник-

кающих прикладных задач происходит структурирование соседских сообществ, осуществляется поиск сторонников и ресурсов, выявляются местные лидеры. При этом возникшие групповые структуры и отношения часто достаточно стабильны и сохраняются после завершения коллективной деятельности по благоустройству, позволяя поддерживать высокое качество городской среды [12]. Всё это актуализирует исследовательский интерес к такой концепции, как «право на город».

Идея «права на город», впервые озвученная Анри Лефевром [19], за достаточно короткий период обрела довольно большое число последователей [18], [20]. С точки зрения неомарксизма, городское публичное пространство (в данном случае жилой двор) рассматривается как площадка для репрезентации борьбы, конфликтов, или же острых социальных противоречий. Иными словами, это территория, которую необходимо «отвоевать» у каких-либо внешних сил, «стать видимыми», обратить на себя внимание, показать альтернативные точки зрения (создать «пространство репрезентации» в терминологии Дона Митчелла [20, с. 35]). «Отвоевание» такого пространства может означать, как его активное преобразование «в соответствии с нашими сокровенными желаниями» [18, с. 940], так и нахождение в границах данного пространства даже вопреки желанию «вышестоящих инстанций» (т. н. «коллективная власть тел»). Место в данном случае имеет первостепенное значение, поскольку только в публичном пространстве право на город может быть заявлено и реализовано [20].

Различают несколько линий трактовки понятия «право на город» [18], [19]. Во-первых, как права человека в городе: право иметь «крышу над головой», достойную зарплату, право на безопасность, защиту чести и достоинства и пр. Во-вторых, как право на «урбанность» — право на городской образ жизни, на культуру городского досуга, на возможность определять себя как горожанина. В-третьих, как право на «производство» пространства — допуск к принятию решений о преобразовании городской среды, а также непосредственное участие в таком преобразовании. В-четвёртых, как право менять город «под себя» — право каждой из социальных групп, «обитающих» в городе, воспроизводить характерный для неё образ жизни. И, наконец, как право «остаться» в городе — возможность противостоять механизмам и процессам (экономическим, политическим, культурным), которые «вытесняют» горожан за пределы городской черты (например, вынуждают уехать в случае значительного роста цен на жильё или же делают невозможным нахождение в общественных пространствах, вводя запреты на сборы и массовые мероприятия). По мнению Лефевра, «право на город» означает «право на участие в производстве пространства на всех его уровнях». При этом можно выделить воспринимаемое пространство (*perceived space*) — объективное пространство физических объектов, с которыми люди взаимодействуют в повседневной жизни; задуманное/постигаемое пространство (*conceived space*) — совокупность идей и представлений о том, как должно выглядеть окружающее людей пространство, что оно собой представляет и почему; жилое пространство (*lived space*) как комбинация воспринимаемого и задуманного [19]. Иными

словами, «право на город» — это возможность участвовать в производстве «городских совместностей» (к которым относятся не только конкретные места, но и культурные практики, интеллектуальные схемы, аффективные сети, социальные институции). Диалектика «городской совместности» перекликается с идеей Лефевра о «производстве пространства» [13], когда город — это и источник общего, и принимающий его резервуар [17].

Необходимо также отметить оспариваемый характер «права на город». Разные типы социальной дифференциации, присутствующие в городе (пол, возраст, семейный статус, доход, образ жизни и пр.), а также различия в возможностях мобильности, временных перспективах приводят к разной оценке имеющихся общих ресурсов (в одном случае дворовая территория — это место для игр и отдыха, а в другом — парковочное место). Реализация «права на город» почти всегда подразумевает конфликт, поиск компромисса и сотрудничество (в идеале — межсекторное). При этом на фоне всех субъектов, сталкивающихся в борьбе за реализацию «права на город» (городские власти, частные компании, горожане), координирующая роль государства будет расти: его первостепенной задачей станет управление и наблюдение за процессом формирования городских совместностей [21], тогда как локальные сообщества будут вынуждены объединяться и организовывать коллаборации. В связи с этим особое внимание в ходе исследования было уделено коммуникативным аспектам реализации «права на город» (в частности, онлайн коммуникации соседей).

Ещё одной важной категорией анализа возможностей городского участия является понятие «сообщество», которое обычно рассматривается в духе экологической традиции как некий социальный субъект, обладающий относительно высокой степенью социального единства [5], [12] и имеющий определённый «ареал обитания» (от состояния которого в значительной степени зависит качество жизни членов сообщества). В этом смысле «сообщество — это «группа домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество» [16, с. ix]. В таком ракурсе ключевыми характеристиками дворовых сообществ являются *локальность* (принадлежность к определённой территории) и *социальная плотность* (интенсивность взаимосвязей внутри сообщества выше, чем между отдельными членами сообщества и внешней средой). Близким термином здесь является термин «соседство» (neighborhood) — сообщество, которое возникает в результате естественного разделения города на сегменты (жилые дворы) [15]. Эмпирической основой исследования выступили результаты опроса об отношении горожан к существующим возможностям местного самоуправления. Опрос был проведён в сентябре–октябре 2021 года в г. Минске (Республика Беларусь) методом автоматизированного телефонного интервью (САТИ). Всего было опрошено 415 минчан в возрасте от 15 лет и старше. Номера для звонков выбирались из общей базы мобильных номеров по Минску методом случайных чисел. Выборка контролировалась по полу, возрасту и уровню об-

разования. Расчётная величина ошибки выборки не превысила 4,8%. Чуть менее половины опрошенных (46,9%) на момент опроса проживали в домах 1971–1999 годов постройки. Около 19% респондентов — в домах старше 1970 года постройки и примерно столько — же в домах, построенных ранее 2000 года. Всего 13,9% участников исследования жили в новостройках (от 2011 года и позже). В подавляющем большинстве случаев (85%) организацией, обслуживающей дом, был ЖЭС, только 15% респондентов отметили свою принадлежность к товариществу собственников.

Под благоустройством, как правило, понимается созданию наиболее благоприятной жизненной среды с обеспечением комфортных условий для населения. При этом благоустройство жилого двора — это одна из наиболее актуальных проблем современного градостроительства. При должном выполнении всего комплекса мероприятий по благоустройству жилых дворов возможно значительно улучшить экологическое состояние и внешний облик городов, создать более комфортные микроклиматические, санитарно-гигиенические и эстетические условия жизни [14]. Жилище человека не может в полной мере считаться комфортным, если окружение не благоустроено. Существует зависимость между расходами на благоустройство и уровнем социальной стабильности общества: их уменьшение крайне негативно влияет на социальное самочувствие горожан, их оценку собственного благополучия, а также общую оценку проводимой государством политики [6]. Ключевая сложность благоустройства двора заключается в том, что оно часто должно обеспечить несовместимые интересы пользователей жилой территории. Особенно остро проявляет себя конфликт между человеком и автомобилем. Это подтверждает и анализ ответов участников интервью: наиболее актуальной проблемой благоустройства двора минчане считают сложности, связанные с нахождением на придомовых территориях личных автомобилей (нехватка парковочных мест, затруднённый проезд через жилой двор, а также потенциальные опасности, которые при этом возникают) — 70,5%. На втором месте со значительным отрывом находятся плохие детские площадки (однообразное, устаревшее игровое оборудование, его нехватка, неудачное расположение детских площадок) — 39,2%. Замыкает тройку актуальных проблем благоустройства нехватка мест для выгула собак (и, как следствие, нарушение жильцами правил выгула собак) — 23,5%. Ещё около 15–17% горожан пожаловались на нехватку велодорожек и велопарковок, нехватку лавочек и зон для отдыха во дворах, а также плохое состояние зелёных зон. Половина всех опрошенных при возникновении каких-либо проблем благоустройства обращается в ЖЭС (52,8%), чуть больше трети (35,7%) оставляют заявку на едином портале коммунальных услуг (115.бел). Примечательно, что 11,5% респондентов предпочитают никуда не обращаться и решать возникающие проблемы самостоятельно.

Как было отмечено выше, наиболее эффективно контролировать решение проблем, связанных с качеством городской среды, могут её непосредственные «пользователи» — горожане, проживающие на той или иной территории. Однако для того, чтобы такой механизм контроля заработал, необхо-

димо соблюдение важного условия: жители должны быть вовлечены в поддержание внешнего вида собственного двора, они должны ощущать свою ответственность за его состояние (а не «перешагивать» через существующие проблемы, торопясь поскорее скрыться в собственной квартире). По этой причине одной из центральных задач исследования стало изучение уровня активности горожан в вопросах благоустройства и преобразования городской территории.

Участие горожан в благоустройстве: мотивы и препятствия. Участие минчан в благоустройстве нельзя назвать массовой практикой: всего 11,3% опрошенных занимаются этим регулярно. Ещё 35,8% горожан отметили свой эпизодический опыт поддержания достойного внешнего вида дворовых территорий (1–2 раза в год). Наиболее популярная форма активности минчан — это традиционные «субботники» (уборка территории, посадка цветов, деревьев) — 45,8%. Креативные (преобразующие) практики встречаются достаточно редко: всего 8,3% когда-либо занимались установкой новых элементов дворовой инфраструктуры (либо ремонтом существующих), только 2,2% опрошенных организовывали дворовые праздники. Потенциально заинтересованы участвовать в благоустройстве городской среды около четверти минчан (28,4%). Но примерно такое же количество (28,1%) при прочих неизменных условиях не планируют тратить время и силы на благоустройство собственного двора. Можно предположить, что при отсутствии каких-либо внешних усилий в этой сфере чуть менее трети минчан по-прежнему будут оставаться вне зоны активности, фактически исключаясь из числа субъектов, участвующих в создании городской среды.

Опасность подобной ситуации заключается в том, что при нарушении баланса активности в триаде «государство» — «бизнес» — «локальные сообщества» город начинает трансформироваться под влиянием сильнейших (чаще всего государства и бизнеса), тогда как горожане оказываются не в состоянии защитить собственные интересы и оттесняются на периферийные территории (квартира, дача и пр.). Отчасти это уже происходит. Отвечая на вопрос «Почему вы не участвуете в благоустройстве?», часть опрошенных отмечали наличие у них загородного участка (дачи), на котором они и реализуют собственный креативный потенциал.

Однако положительным моментом является тот факт, что из 28,1% горожан, которые в ближайшее время не планируют участвовать в благоустройстве, только 12,0% категорически исключают такую возможность (не станут участвовать ни при каких обстоятельствах). Следовательно, данная ситуация может измениться.

Для того чтобы ослабить существующие негативные тенденции, необходимо понимать причины пассивной позиции горожан, видеть барьеры, затрудняющие их участие в жизни города. Какие обстоятельства способны повлиять на горожан, мотивировать их принимать активное участие в жизни города, реализовать существующие возможности самоуправления?

Проводимые ранее в этой сфере исследования [7, с. 10–12] позволили выделить шесть универсальных мотивов, побуждающих горожан принимать участие в общественной жизни:

1. Чувство долга (*«я обязан»*) — гражданская вовлечённость в данном случае тесно связана с коллективизмом, внешними нормами и социальным контролем (*«все участвуют, и мне нужно», «что подумают другие», «нельзя не участвовать» и пр.*) и воспринимается индивидом скорее не как «право на город», но как обязанность.
2. Внутренняя потребность (*«мне надо»*) — в отличие от первого мотива на передний план выходит личное желание быть активным, участвовать в жизни своего города, ощущать себя его частью (*«хочу внести свой вклад», «не хочу быть в стороне», «хочу что-то сделать»*).
3. Способность (*«я могу»*) — активная роль индивида связана с его уверенностью в собственных ресурсах (*«мой вклад в общее дело может что-то изменить»*), а также способностью быть услышанным коллективом (*«мои идеи будут поддержаны другими людьми»*).
4. Спрос (*«я нужен»*) — определяющим является эффект значимости и приглашения к действию (*«я нужен своему городу», «кто, если не я», «моему участию будут рады»*).
5. Эффективность (*«это работает»*) — такой мотив формируется в результате предыдущего положительного опыта участия в общественной жизни (*«мы смогли решить существующие проблемы», «мы справились с этой задачей»*).
6. Значимость (*«Это что-то даёт»*) — мотивация данного типа позволяет индивиду видеть результат, обусловленный затраченными ресурсами (в качестве результата может выступать не только конкретное решение проблемы, связанной с благоустройством, но и «побочные» результаты активности: приятное времяпрепровождение с соседями, удовлетворение от исполнения роли неформального лидера локального сообщества, чувство единения и взаимопомощи, чувство принадлежности к чему-то значимому, масштабным переменам). При доминировании мотива значимости происходит гражданская самоидентификация человека (*«я делаю это, потому что это часть моего стиля жизни»*).

Указанные выше группы мотивов могут влиять на поведение индивидов комплексно (например, мотивы спроса и эффективности, мотивы способности и внутренней потребности). Опрос, проведённый среди минчан, показал преобладание следующих мотивов (условий участия в благоустройстве):

1. Мотивы эффективности (39,0%) — горожане готовы вовлекаться в общественную жизнь, если будут видеть конкретные результаты своей активности (*«это поможет сделать двор лучше»*).
2. Мотивы спроса (35,0%), когда важно наличие хорошо организованного «приглашения к действию» (когда индивид чувствует значимость собственных действий, их необходимость для общего блага).

В то же время мотивы способности («я свободен в своих действиях») и значимости (важно быть частью сообщества) влияют значительно меньше (10% и 4% соответственно).

Иными словами, *общественная активность горожан в большей степени определяется внешними стимулами* – наличием актуальных проблем, которые могут быть решены общими усилиями, а также должным уровнем организации таких усилий.

Что касается причин отказа от участия в благоустройстве, то наиболее частой из них является отсутствие свободного времени (43,6%), что можно понять, учитывая городской ритм жизни. Однако на втором месте среди причин низкой активности горожан находится фактор, *на который можно повлиять*. Около четверти всех опрошенных (25,9%) не участвуют в благоустройстве собственного двора, поскольку не знакомы с соседями, не знают с чего начать, к кому обратиться и пр. (по словам одного из участников интервью – «никто не звал»). Напомним, что 35,0% горожан готовы проявлять активность при условии наличия хорошей организации. Следовательно, преодоление коммуникативных барьеров между соседями, улучшение их взаимодействия способно повысить уровень активности горожан не менее, чем на 30%.

Местное самоуправление. Общественная активность горожан, их непосредственный вклад в преобразование городской среды тесно связаны с таким феноменом, как местное самоуправление. Для того чтобы изучить готовность горожан включаться в местное самоуправление, участникам интервью задавался вопрос о наиболее удобной форме участия в благоустройстве собственного двора. Местное самоуправление представляет собой организационно-правовые основы жизнедеятельности городского сообщества, кроме того, муниципальное управление является специфической формой выражения интересов различных локальных сообществ на определенном уровне городского, местного управления. Результаты опроса продемонстрировали достаточно интересный факт. 50% всех участников исследования отметили, что наиболее удобной формой участия в благоустройстве для них является неформальная активность, то есть они готовы заниматься благоустройством самостоятельно (в одиночку либо вместе с соседями), без кооперации с кем-либо (будь то коммунальные службы или другие официальные структуры). Участвовать в благоустройстве двора при содействии местного ЖЭСа готово значительно меньше горожан — 33,0%. Создавать органы местного самоуправления и через них заниматься преобразованием городской среды выразили желание ещё меньшее число опрошенных — только 17%. Однако в данном случае низкий процент может быть обусловлен *недостаточной осведомлённостью о существующих возможностях территориального самоуправления*. Такие данные позволяют предположить, что возможные перспективы местного самоуправления в постсоветском городе (на примере Минска) заключаются в самоорганизации низовых структур, образованных на основе соседских сообществ (так называемый *grassroots activism*). Отчасти данный вывод коррелирует с наиболее удобной, по мнению минчан, формой финан-

сирования благоустройства дворовой территории. Платить коммунальные отчисления государству для поддержания благоустройства двора готовы меньше половины опрошенных (47,0%), тогда как оставшиеся 53% хотели бы иметь возможность самостоятельно управлять предназначенными для благоустройства финансами: либо «в складчину» с соседями (в том числе через товарищество собственников) — 34,0%, либо обращаясь в частные обслуживающие компании — 19,0%.

Вероятно, речь в данном случае идёт о появлении так называемых «городских совместностей» [21], то есть ситуаций, когда горожане стремятся взять управление близлежащими территориями под свой фактический контроль («за пределами государства и бизнеса»): самостоятельно убирать дворовые территории, заниматься их озеленением, совместными усилиями устанавливать на детских площадках новое игровое оборудование, восстанавливать зоны отдыха и пр. Среди доступных на данный момент механизмов самоорганизации горожан наиболее близко к данной схеме товарищество собственников жилья как структура, которая позволяет наиболее целесообразно распоряжаться средствами, предназначенными для благоустройства.

При этом первоочередными задачами, на которые горожане готовы тратить собственные деньги, являются:

- организация парковочных мест (49,3%);
- озеленение (47,6%);
- установка нового игрового оборудования на детских площадках (45,0%).

Около трети респондентов готовы финансировать установку контейнеров для раздельного сбора мусора (31,7%); примерно такое же количество опрошенных (31,5%) хотели бы, чтобы их средства тратились на организацию зон отдыха во дворе. 29,6% участников интервью в качестве первоочередных расходов отметили обустройство специализированных мест для выгула собак. Примечательно, что более четверти минчан (27,2%) выразили готовность направлять собственные финансовые ресурсы для организации районных и дворовых праздников (что говорит о растущем запросе на взаимодействие с соседями, формировании внутренней потребности создавать локальные сообщества и активно участвовать в их жизни). Полностью отказались бы от финансового участия в благоустройстве дворовой территории только 8,7% респондентов. Объединив данный показатель с тем, что 12,0% горожан ни при каких обстоятельствах не станут участвовать в благоустройстве дворовых территорий, можно предположить, что *в текущей ситуации лишь около 10% минчан сознательно отказываются от активной роли в развитии городской среды, в то время как большинство жителей города при определённых условиях готовы выступить в качестве субъекта преобразования*.

Какие факторы влияют на активность горожан? Кто в ближайшем будущем может выступить в качестве наиболее активной преобразующей силы? Ответы на эти вопросы также были получены в ходе исследования. Вся совокупность факторов, влияющих на активность локальных сообществ была условно разбита на три группы:

1. Особенности коммуникации с соседями;
2. Тип жилой застройки и форма обслуживающей организации;
3. Социально-демографические характеристики горожан.

Коммуникация с соседями как фактор участия в благоустройстве городской среды. Ранее отмечалось, что одной из причин отказа от участия в благоустройстве является отсутствие знакомства с соседями, низкая интенсивность контактов с ними, отсутствие коллективной инициативы. В связи с этим особенности взаимоотношения с соседями могут выступать одним из наиболее сильных факторов, влияющих на активность локальных сообществ. По данным опроса, 71,2% горожан охарактеризовали отношения со своими соседями как хорошие (при этом 14,2% опрошенных отметили, что последний год отношения с соседями стали лучше). Для сравнения, только 29,6% опрошенных охарактеризовали свои отношения с представителями ЖЭС или ТС как хорошие. Хорошими свои отношения с районной администрацией считают всего 15,4%. Положительная динамика в отношениях горожан с формальными структурами также минимальная: всего 6,7% горожан считают, что их отношения с представителями коммунальных служб за последний год стали лучше, и 2,4% улучшили свои отношения с районной администрацией. Всё это говорит о том, что горизонтальные связи (с соседями) на данный момент значительно сильнее (и продолжают укрепляться), чем связи вертикальные (с коммунальными службами, районной администрацией).

Неудивительно, что наиболее удобной формой участия в благоустройстве (в том числе и финансового) для горожан является неформальная соседская кооперация.

28,6% респондентов состоят в «соседских чатах» (что является одним из признаков сформированного устойчивого соседского сообщества). При этом горожане, состоящие в товариществе собственников, значительно чаще взаимодействуют со своими соседями в соседских чатах (60,7%). Чем новее дом, тем активнее жильцы взаимодействуют друг с другом, тогда как наименее интенсивные коммуникации фиксируются среди соседей, проживающих в домах 1971-1999 гг. постройки. Данные опроса *обнаружили прямую зависимость между состоянием соседской коммуникации и готовностью горожан участвовать в благоустройстве.* Чем лучше отношения между соседями, чем чаще они общаются друг с другом (в том числе при помощи интернет-мессенджеров), тем активнее горожане вовлекаются в различные практики по благоустройству городской среды. Так, среди тех, кто охарактеризовал свои отношения с соседями как плохие, никто не уделяет время благоустройству регулярно (см. таблицу 1). При этом почти половина горожан (45,5%), не наладивших соседскую коммуникацию, и вовсе не планируют участвовать в благоустройстве в ближайшем будущем (для сравнения, среди горожан, имеющих хорошие отношения с соседями, таких значительно меньше – около 26%). Среди тех, кто не общается в чате со своими соседями, каждый третий не планирует участвовать в благоустройстве, а среди тех, кто общается — только каждый пятый (см. таблицу 2).

Таблица 1. Взаимосвязь отношения с соседями и участия в благоустройстве (в %).

Участие в благоустройстве	Отношения с соседями			
	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	Плохое либо отсутствует
Да, регулярно	14,9	3,3	0	0
Да, 1–2 раза в год	36,8	34,1	40,0	31,8
Нет, но хотел бы	21,3	36,3	40,0	22,7
Нет и не планирую	27,0	26,4	20,0	45,5

Таблица 2. Взаимосвязь отношения с соседями и участия в благоустройстве (в %).

Участие в благоустройстве	Общение в чате	Нет общения в чате
Да, регулярно	17,6	8,8
Да, 1–2 раза в год	39,5	34,3
Нет, но хотел бы	23,5	25,3
Нет и не планирую	19,3	31,6

Тип жилой застройки как фактор активности горожан. Год постройки дома также оказывает влияние на общественную активность горожан (хотя и не такое сильное). Чаще других занимаются благоустройством собственного двора либо горожане, проживающие в новостройках (от 2000 года постройки и позже), либо жители т. н. «пятиэтажек» — около 50%. Жильцы совсем новых домов (от 2010 года постройки) чаще других делают это регулярно (24%). Наименее активны горожане, проживающие в районах, застроенных в 1970-1990-х гг.: 41% в принципе когда-либо занимались благоустройством (из них только 6,2% регулярно), а 35,9% (это максимальный показатель) не имеют планов когда-либо в этом участвовать (см. рисунок 1). При этом максимальную готовность к самоуправлению продемонстрировали жители домов, в которых уже сформированы товарищества собственников: 48,2% готовы участвовать в благоустройстве дворовой территории через различные институты местного самоуправления (для сравнения, заниматься благоустройством неформально, самостоятельно готовы 39,3%).

Для респондентов, жильё которых находится на балансе у ЖЭСа, ситуация несколько другая: только 35,2% готовы участвовать в благоустройстве через сотрудничество с ЖЭСом, тогда как 51% хотели бы делать это самостоятельно, не ориентируясь на коммунальные службы. Год постройки дома также имеет значение: чем новее дом, тем чаще его жители стремятся к местному самоуправлению. Впрочем, определённую роль в данном случае могут играть и социально-демографические факторы: в новых районах чаще проживают горожане более молодого возраста, более образованные и с более высоким доходом. Члены товарищества собственников, а также жители новых районов в меньшей степени готовы финансировать благоустройство дво-

ровых территорий через налоги и коммунальные платежи и чаще других хотели бы обращаться к услугам частных обслуживающих компаний. Для тех, кто живёт в домах, состоящих на балансе у ЖЭС, особенно до 1990-х гг. постройки, более привычной формой финансирования благоустройства являются коммунальные платежи (около 50%).

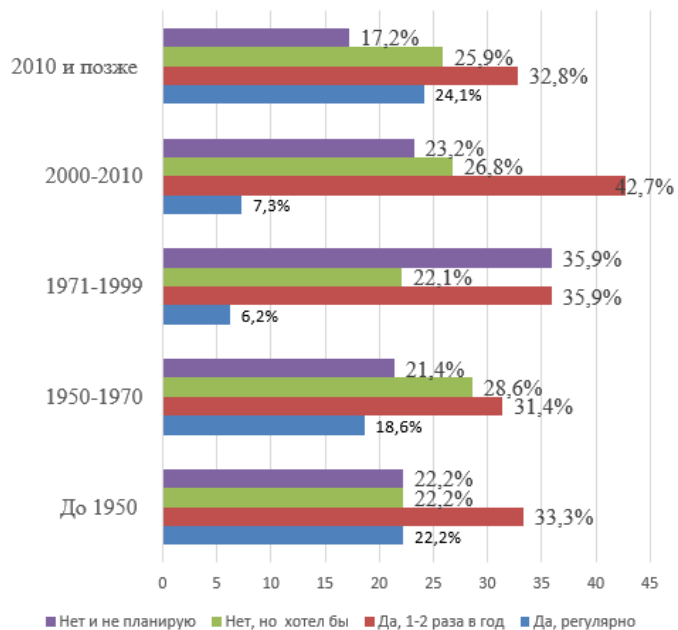

Рисунок 1. Взаимосвязь года постройки жилого дома и участия жильцов в благоустройстве (в %).

Интересно, что около 30% горожан (независимо от того, где они проживают) хотели бы иметь возможность финансировать благоустройство своего двора, минуя как государственные, так и частные структуры, самостоятельно (объединившись финансово с соседями). К слову, недавняя Нобелевская премия по экономике была присуждена американской экономистке Элино́р Остро́м за обоснование значительной эффективности управления коммунальными ресурсами при помощи активного вовлечения самоуправляемых общественных структур, которые предоставляют своим членам равный доступ к данным ресурсам без частной собственности или государственного контроля [22].

Социально-демографические характеристики горожан как фактор их локальной активности. Наиболее активные участницы благоустройства дво-

ровых территорий — это женщины в возрасте от 36 до 45 лет, как с высшим образованием, так и без него. В целом, прямой связи между образованием и частотой участия горожан в благоустройстве данные исследования не обнаружили. Однако предпочитаемые *формы участия* в благоустройстве своего двора меняются по мере роста общего уровня образования жителей этого двора. Участники опроса, имеющие среднее образование (общее, специальное или профессионально-техническое), предпочитают участвовать в благоустройстве традиционно: оплачивать «коммуналку» и несколько раз в год откликаться на призывы коммунальных служб прийти на субботник. Респонденты с высшим образованием, напротив, чаще склоняются в сторону формирования различных официальных структур местного самоуправления и привлечения частных обслуживающих компаний к решению проблем благоустройства. Возраст минчан также оказывает влияние на то, какая форма участия в благоустройстве городской среды покажется им наиболее удобной. Горожане более молодого возраста (максимально это характерно для возрастной группы 26–35 лет) в меньшей степени хотят оплачивать коммунальные платежи и предпочли бы возможность обращаться к услугам частных обслуживающих компаний. И наоборот: чем старше респонденты, тем более консервативный подход к решению данного вопроса они демонстрируют.

Обобщив анализ факторов, оказывающих влияние на готовность городского населения к местному самоуправлению, можно выделить три различные группы горожан:

1. *Сторонники патерналистского подхода* — в вопросах благоустройства и преобразования городской среды *предпочитают полагаться на государство*. Своё участие в благоустройстве видят в том, чтобы платить налоги, оплачивать счета за коммунальные услуги, а также изредка посещать субботники, организуемые местными коммунальными службами. Как правило, это горожане старшего возраста (от 46 лет и старше), имеющие среднее образование, проживающие в районах т. н. «позднесоветской» панельной застройки (1970–1990-е гг.), не состоящие в устойчивых соседских сообществах либо вовсе не поддерживающие отношения со своими соседями. Среди общего количества минчан их порядка 50%.
2. *Сторонники рыночного подхода* — демонстрируют максимальную готовность к официальному (юридически оформленному) участию в местном самоуправлении, активно включены в жизнь своего сообщества, поддерживают устойчивые отношения с соседями, состоят в соседских чатах, готовы брать на себя ответственность за благоустройство городской среды, взамен хотели бы иметь возможность свободно принимать решения, касающиеся преобразования «своей» территории, в том числе обращаясь к услугам частных обслуживающих компаний. К данному типу относится наиболее молодая (25–45 лет) и образованная часть горожан, проживающая в новых районах (построенных после 2000 года). Среди общего количества опрошенных их около 20%.
3. *Сторонники общинного подхода* — не испытывают особого доверия ни к рынку, ни к государству, в вопросах благоустройства предпочитают пола-

гаться на себя и своих ближайших знакомых, готовы решать возникающие проблемы благоустройства своими силами (совместно с соседями), не обнаруживают склонность к созданию формальных структур местного самоуправления, однако фактически готовы брать на себя ответственность, в том числе и финансовую, за свой город. Интересно, что горожане данного типа не имеют каких-либо отличительных социально-демографических особенностей, среди общего числа минчан их примерно 30%.

Подводя итог проведённому анализу состояния локальных сообществ и местного самоуправления в постсоветских городах (на примере Минска), можно отметить, что горожане как конечные «потребители» городской среды обладают значительным потенциалом для эффективного контроля её качества. По этой причине развитие и укрепление городских сообществ является разумной альтернативой разрастанию государственного муниципального аппарата и реальной возможностью для горожан реализовать своё право на местное самоуправление. Однако именно городские сообщества часто демонстрируют наименьшую активность в решении вопросов, связанных с качеством городской среды, что ведёт к искажению всей стратегии развития города. Наиболее действенным механизмом активизации локальных сообществ, их интеграции в жизнь города является вовлечение горожан в практики по «созданию мест» (благоустройству городской среды), что позволяет горожанам осознавать общие цели и задачи, формулировать взаимовыгодные решения, снижает вероятность конфликтов и разногласий. Результаты исследования (телефонный опрос, проведённый в г. Минске, Республика Беларусь) показали, что около трети жителей постсоветских городов по-прежнему находятся вне зоны активности, фактически исключаясь из числа субъектов, участвующих в создании городской среды. Наиболее значимыми мотивами, побуждающими горожан участвовать в общественной жизни, являются мотивы эффективности (возможность видеть конкретные результаты своей активности) и мотивы спроса (ощущение значимости собственных действий, их необходимости для общего блага). При этом среди всей совокупности факторов, влияющих на участие горожан в благоустройстве (особенности коммуникации с соседями; тип жилой застройки и форма обслуживающей организации; социально-демографические характеристики горожан), наиболее значимое влияние оказывают именно коммуникативные. Преодоление коммуникативных барьеров между соседями, улучшение их взаимодействия способно значительно повысить уровень активности горожан. Обобщив анализ факторов, оказывающих влияние на готовность городского населения к местному самоуправлению, можно выделить три различные группы горожан: сторонники патерналистского подхода (полное доверие к государству), сторонники рыночного подхода (готовность к юридически оформленному участию в местном самоуправлении) и сторонники общинного подхода (равное недоверие и к рынку, и к государству, готовность во всем полагаться на собственные силы и свои социальные связи).

Список литературы

1. Алексеевский М. Городская антропология: От локальных «племен» к глобальным «потокам». Горожанин: Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 78–99.
2. Антипов К. А., Лазукова Е. А., Разинский Г. В. Муниципальная власть и местные сообщества: Особенности взаимодействия (К постановке проблемы социологического исследования) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 118–129.
3. Богданова Л. П., Смирнов И. П. Социальная активность городских сообществ: опыт исследования на примере средних городов Тверской области // Экология урбанизированных территорий. 2018. №1. С. 50–57.
4. Грибер Ю. А., Литвинова Т. Н. Тактический урбанизм как форма модернизации повседневности // Социодинамика. 2015. № 9. С. 1–19.
5. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма и теории глобализации // Социология 4М. 2001. №13. С. 27–59.
6. Иванова Т. Н. Благоустройство городской среды как значимый фактор повышения качества жизни г. о. Тольятти // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 38. С. 62–69.
7. Кобаса М. В. Участие граждан в процессе принятия решений на местном уровне в Беларуси: опыт, состояние и перспективы. Минск: Медисон, 2020. 96 с.
8. Кольба А. И., Кольба Н. В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С.160-179.
9. Лайдон М., Гарсия Э. Тактический урбанизм. Краткосрочные действия — долгосрочные перемены. М.: Strelka Press, 2019. 302 с.
10. Ларичев А. А. Локальные сообщества в городах как субъект контроля за решением вопросов местного значения // Правоприменение. 2019. №1 (3). С. 100–107.
11. Лебедева Е. В. Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 4. С. 112–128.
12. Ледяев В. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 472 с.
13. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
14. Федотов Е. С. Социальная роль благоустройства городской среды мегаполиса // Социальная политика и социология. 2013. № 2 (1). С. 272-284.
15. Чернышева Л. А. Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. С.36-66.

16. Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / Под редакцией М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьенек, А. К. Мюллер, М. Швэгмана. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.
17. Elias N. Foreword. Towards a Theory of Communities. // The Sociology of Communities: A Selection of Readings / Colin Bell and Howard Newby (ed.) London: Frank Cass & Co. Ltd, 1974. pp. ix–xliii.
18. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge: An Imprint of Harvard University Press, 2011. 434 p.
19. Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. № 27 (4). PP. 939–941.
20. Lefebvre H., Kofman E., Lebas E. Writing on cities. Cambridge, Mass, USA: Blackwell Publishers, 2010. 260 p.
21. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guildford Press, 2003. 270 p.
22. Parker P., Johansson M. Challenges and potential in collaborative management of urban commons. In T.B. Valic, D. Modic, U. Lamut, & T. Luckman (Eds.), Multifaceted nature of collaboration in contemporary world. London: Vega Press, 2012. PP. 92-113.

ГЛАВА 2. ЧТО ДЕТИ И ПОДРОСТКИ ДУМАЮТ О ГОРОДЕ, СВОЕМ МЕСТЕ В НЕМ И СВОЕМ УЧАСТИИ

§2.1. Эмпирическое исследование «Лестница детского участия: право детей на город, в котором они живут»

В 2019–2021 году авторами было реализовано эмпирическое исследование, посвященное смыслам детского участия. Методом сбора данных было анкетирование в письменной форме и путем заполнения гугл-формы.

Анкета содержала 20 вопросов, которые были разбиты на четыре смысловых блока (не считая социально-демографического), отражающие участие ребенка в решении вопросов в семье, школе, городе/селе, а также опыт членства в детско-молодежной общественной организации

Для анализа полученных эмпирических данных использовались методы корреляционного анализа, факторного анализа и одномерного описательного анализа. Полученный в ходе анкетного опроса массив обрабатывался с помощью программы для статистического анализа данных SPSS.

В опросе приняли участие 1180 детей в возрасте от 10 до 18 лет, из них 42% мальчиков и 56% девочек. Детальная половозрастная структура опрошенных представлена на рисунке 1.

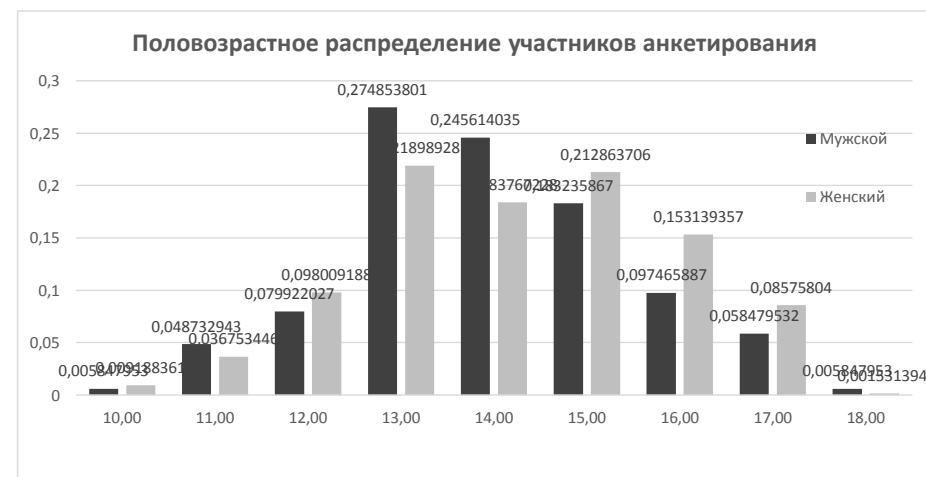

Рисунок 1. – Половозрастное распределение участников анкетирования.

Выборочная совокупность представлена детьми, проживающими в 30 населенных пунктах, представляющих 8 Федеральных округов: Центральный, Приволжский, Северо-западный, Южный, Сибирский, Дальневосточный, Уральский, Северо-Кавказский. Населенные пункты были перекодированы в